
Н. В. ПОНЬРКО

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Три главные книги Дмитрия Сергеевича Лихачева

РЕЗЮМЕ

Имеются в виду три самые знаменитые книги Д. С. Лихачева, две из которых — «Текстология» и «Поэтика» — являются научными монографиями, предназначенными для узкой профессиональной аудитории филологов-медиевистов, а третья — «Воспоминания» — представляет собой труд, созданный в свободном жанре мемуаристики, ориентированный на самую широкую аудиторию читающей России. Эти книги столь разных жанров рассматриваются в статье с точки зрения последовательного отражения в каждой из них сущности личности их автора как двуединства ученого и гражданина.

Ключевые слова: Д. С. Лихачев, текстология, поэтика, «Воспоминания», научная школа.

Natalia V. Ponyrko (Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia). Three Main Books by Dmitry Sergeevich Likhachev

ABSTRACT

This article considers three most famous books by Dmitry Sergeevich Likhachev. Two of them — *Textology* and *The Poetics of Early Russian Literature* — are scholarly monographs intended for the narrow audience of specialists in medieval philology, while the third one — *The Memoirs* — is written in the genre of memoir for the widest readership in Russia. This article considers how these books of different genres reflect the personality of their author as a dual unity of a scholar and a citizen.

Keywords: Dmitry Likhachev, textual criticism, poetics, memoirs.

Назвав свою статью означенным образом, я, разумеется, имею в виду «Текстологию»,¹ «Поэтику»² и «Воспоминания»,³ три книги Дмитрия Сергеевича Лихачева, две из которых впервые вышли в свет в 1960-е гг., а третья появилась лишь в 1995 г. Казалось бы, названные книги сугубо противоположны по своему жанру: две первые — научные монографии, предназначенные для профессиональной аудитории филологов-медиевистов, третья — отнюдь не научная, созданная в свободном жанре мемуаристики и ориентированная на самую широкую аудиторию читающей России.

¹ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (2-е изд. — Л.: Наука, 1983; 3-е изд. (при участии А. А. Алексева и А. Г. Боброва) — СПб.: Алетейя, 2001).

² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967 (2-е изд. — Л.: Художественная литература, 1971; 3-е изд. — М.: Наука, 1979).

³ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995.

И тем не менее, я думаю, мало у кого возникнет протест относительно поименования именно этих книг Дмитрия Сергеевича «главными», если иметь в виду отражение в них сущности его личности как двуединства учебного и гражданина.

Чтобы еще раз осознать это, нужно обратиться к не раз цитированным словам из «Воспоминаний» Дмитрия Сергеевича (раздел «Красный террор»): «Чем шире развивались гонения (...) тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, ее победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять (напомню, эти слова были обращены к аудитории 1995 г. — *Н. П.*). Мы не пели патриотических песен, — мы плакали и молились. И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься в Университете с 1923 г. древнерусской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети (...) Мои книги — это, в сущности, поминальные записочки, которые подают „за упокой“: всех не упомнишь, когда пишешь их, — записываешь наиболее дорогие имена, и такие находились для меня именно в Древней Руси» (с. 120).⁴

Своим «Воспоминаниям» Дмитрий Сергеевич предпослал в качестве эпиграфа слова поминальной службы, воспроизведенные его почерком на контртитule издания 1995 г.: «И сотвори им, Господи, вечную память». В Предисловии он сформулировал главную задачу своего труда так: «Стоит ли писать воспоминания? Стоит, — чтобы не забылись события, атмосфера прежних лет, а главное, чтобы остался след от людей, которых, может быть, никто больше никогда не вспомнит...» (с. 7; здесь и далее курсив мой. — *Н. П.*). Сейчас весь этот грандиозный труд воспринимается нами как Помянник ушедшей эпохе Серебряного века, как большой Синодик наставшего Красного века, со множеством имен узников Соловецкого лагеря и мучеников блокады — вспомним названия подрубрик отдельных разделов книги: Александр Александрович Мейер, Юлия Николаевна Данзас, Гавриил Осипович Гордон, Павел Фомич Смотрицкий, Владимир Сергеевич Раздольский, Владимир Кемецкий (Свешников), Александр Артурович Пешковский... Георгий Михайлович Осоргин... Владимир Юльянович Короленко... Н. Н. Воронин. И далее, и далее, и далее... (см. с. 220—392).

А сколько имен запечатлено вне рубрик! Обратимся к имени Василия Леонидовича Комаровича, коллеги и близкого Дмитрию Сергеевичу человека по филологическому цеху, погибшего в блокадном Ленинграде от голода зимой 1942 г. Его имя часто встречается в «Воспоминаниях». На страницах раздела «Блокада» Дмитрий Сергеевич написал, как умирал Василий Леонидович Комарович в стационаре Дома писателей для дистрофиков. Его, уже не способного ходить, привязанного к детским саночкам, подбросили туда, в еще не начавший функционировать стационар, жена и дочь, а сами уехали в эвакуацию. В стационаре Комарович уже не мог есть, но продолжал работать над диссертацией. Для Дмитрия Сергеевича это был пример того, что «мозг умирает последним» (с. 342—344). В свое время, особенно вскоре

⁴ Здесь и далее я цитирую «Воспоминания» Д. С. Лихачева по вышеуказанному первому изданию 1995 г., страницы приводятся в тексте в скобках.

после выхода книги, можно было услышать отдельные нарекания по поводу неэтичности подобных материалов в воспоминаниях о блокаде (поскольку это может задеть еще живущих людей, связанных с умершим человеком, или его потомков). Но по прошествии времени пришло понимание того, что тот высочайший градус беспрецедентно жестокой правды о жизни-смерти блокадного Ленинграда, какой она запечатлена в «Воспоминаниях» Лихачева, только и может дать истинное понимание масштаба случившейся исторической трагедии. Когда мы читаем у Лихачева о множестве лежащих на улицах окопавшихся трупов с обкромсанной до костей плотью («мясо» срезали умирающие от голода) или о набитых обледевшими покойниками грузовиках, подпрыгивающих на кочках со своим уложенным плащом и стоймя грузом по дороге к кладбищу (с. 347—348; на одном из таких грузовиков было увезено к неизвестному рву тело отца Дмитрия Сергеевича Сергея Михайловича Лихачева), в сознании встают картины осажденного Иерусалима из «Иудейской войны» Иосифа Флавия. На таком фоне воспринимается и рассказ о смерти Василия Леонидовича Комаровича.

Теперь обратимся к другой «главной книге» Дмитрия Сергеевича Лихачева — к его «Текстологии».⁵ Здесь имя Василия Леонидовича Комаровича фигурирует неоднократно в связи со ссылками на его труды, помогающие иллюстрировать отдельные принципы и понятия текстологии (см. с. 209, 225, 226, 313, 368, 396). Есть ссылки и на статью «К литературной истории Повести о Николе Зарайском» (см. с. 225—226). Эта статья была опубликована в 5-м томе ТОДРЛ, изданном в 1947 г.⁶ Напомню, что предыдущий, 4-й, том ТОДРЛ вышел в свет в 1940 г. Таким образом, 5-й том был первым послевоенным томом. В нем под статьей Комаровича стоит дата: «22. X. 1941». Черновики, над которыми работал В. Л. Комарович в блокадном стационаре для дистрофиков, были переданы после его смерти Д. С. Лихачеву, он, в свою очередь, передал их в архив Пушкинского Дома. А главу о Николе Зарайском опубликовал в Трудах Отдела древнерусской литературы при первой же возможности. В примечании от редакции на последней странице опубликованной статьи читается текст, который в свете нашего подхода вполне можно назвать поминальной записью: «На этих словах рукопись В. Л. Комаровича обрывается. В. Л. Комарович погиб в Ленинграде 17 февраля 1942 г. *Прим. ред.*». Кто стоит за этим «*Прим. ред.*», нам вполне понятно. Мы видим, что нравственные принципы, исповедуемые и манифестируемые Д. С. Лихачевым через свои «Воспоминания», были свойственны ему и в более ранние годы жизни.

В самом начале рассматриваемой статьи В. Л. Комаровича помещена большая сноска (буквально на полстраницы) с необходимыми библиографическими и археографическими данными как историографического, так и исследовательского порядка, касающимися Повести о Николе Зарайском, завершающаяся указанием: «*Прим. Лихачева Д.*». Мы видим, что чувство ответственности перед памятью о человеке распространялось у Дмитрия Сергеевича и на профессиональную область: он считал себя обязанным сде-

⁵ Мы будем ссылаться на издание: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. Страницы указываем в тексте в скобках.

⁶ *Комарович В. Л.* К литературной истории повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 57—72.

лать за коллегу то, что тот не смог доделать в силу черного характера его работы в военных условиях.

С какого-то времени «строительство» собственной жизни у Дмитрия Сергеевича стало идти рука об руку со строительством его научной школы. Вернемся в 1947 год. В этом году скончался академик Александр Сергеевич Орлов, один из основателей Отдела древнерусской литературы и его глава с 1934 г.⁷ Тот самый 5-й том ТОДРЛ, вышедший в свет в 1947 г., после шестилетнего перерыва, был посвящен памяти А. С. Орлова. В кратком предисловии к нему, написанном от имени «младших товарищей и учеников» академика, акцент делался на предстоящих задачах деятельности Отдела. Опираясь на мнение академика Орлова, авторы предисловия писали о необходимости большой работы по выявлению «эстетических признаков» средневековой литературы, цитируя слова из доклада А. С. Орлова на заседании Отделения литературы и языка Академии наук о назревшей потребности в создании обобщающего труда по «истории поэтики русского Средневековья».⁸

Спустя 20 лет замысел академика Орлова и его «младших товарищей и учеников» воплотится в жизнь: в 1967 г. выйдет в свет книга Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы». С этого момента в русской и мировой медиевистике станут обиходными такие понятия, как «стиль эпохи», «литературный этикет», «стилистическая симметрия», «поэтика художественного времени», «поэтика художественного пространства». Поэтике художественного времени и художественного пространства Дмитрий Сергеевич уделил много места в своем исследовании. Им рассмотрены с этой точки зрения особенности фольклора («замкнутое время» сказки, «эпическое время» былины, «обрядовое время» причитания) и разных литературных жанров (художественное время в летописи и историческом повествовании, художественное время проповеди и агиографических произведений).

Но посмотрим, какими понятиями оперирует при этом автор. «Предстоя в церкви, молящийся видел вокруг себя весь мир: небо, землю и их связи между собой. Церковь символизировала собой небо на земле. Подняться над обыденностью было потребностью средневекового человека» (с. 395; из главы «Поэтика художественного пространства»)⁹ Или: «Всем содержанием своим икона стремится установить духовную связь с молящимся, „ответить“ ему на его моление» (с. 392; из той же главы). Или: «В „Бедных людях“ изображен разговор двух душ, а души могут говорить не временным своим языком, а преодолевать все преграды бытового косноязычия, необразованности, необученности. Персонажи говорят больше того, что они могли бы сказать в жизни. Их разговор носит наджизненный, надбытовой характер» (с. 350; из раздела «Судьбы древнерусского художественного времени в литературе новой»).

В Заключении к своему труду, которое он озаглавил так: «Зачем изучать поэтику древнерусской литературы?», Д. С. Лихачев выразил очень важную

⁷ Об истории основания Отдела см.: *Рождественская М. В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.) // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 3—52.

⁸ [Предисловие к тому] // ТОДРЛ. Т. 5. С. 3—4.

⁹ Здесь и далее ссылки даются по изданию: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971. Страницы указываются в тексте в скобках.

мысль: изучать поэтику древнерусской литературы надо «ради *эстетического освоения культур прошлого*», потому что за счет «открытия нового в старом» совершается процесс «накопления культурных ценностей»; человечество таким способом обогащается ранее неведомыми ценностями, расширяя тем самым свой духовный горизонт (с. 405). Мне представляется бесспорным, что и в самом Дмитрие Сергеевиче (как и во многих других, пошедших вслед за ним) совершался процесс обогащения ценностями прошлого в ходе научного проникновения в особенности средневекового искусства. И не только на платформе эстетики, но и на мировоззренческом основании. Увиденная им красота Древней Руси, выраженная в ее искусстве, приблизила его понимание вечности, земного и небесного к тому пониманию, которое было свойственно господствовавшему в культуре Древней Руси христианскому мировидению. Многие категории прошлого стали его собственными категориями. Эти категории, во многом утраченные в эпоху Нового времени, отчасти всё же продолжали преемственно сохраняться в культуре рубежа XIX—XX веков, которую оплакивали в 20-е годы молодые товарищи Дмитрия Лихачева, деятельно вырабатывавшие в то время собственное мировоззрение на заседаниях религиозно-философских кружков, подобных «Космической академии», или «Хельфернаку», или «Братству святого Серафима Саровского»,¹⁰ — где можно было услышать и полушуточные, а вместе с тем и серьезные, доклады, подобные, например, такому: «Медитации на тему старой, традиционной, освященной, исторической русской орфографии, попорченной и искаженной врагом Церкви Христовой и народа российского, изложенная в трех разсуждениях Дмитрием Лихачевым февраля 3 дни 1928 г.»¹¹ (буквально через несколько дней после означенной даты Дмитрий Сергеевич был арестован и приговорен к пяти годам заключения).¹² После окончательного разгрома красным террором всего и вся христианское наследие было вытеснено из легального существования в советской культуре на многие десятилетия. Но не из сознания людей.

60-е годы XX века в нашей стране ознаменовались известным отходом от коммунистической диктатуры. Наступило время так называемой оттепели. Обратим внимание на то, что именно в это время выходят две знаменитых книги Михаила Михайловича Бахтина, как и «Поэтика» Лихачева, — центральные для русской гуманитаристики XX века: «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965).¹³ М. М. Бахтина (так же, как и М. В. Юдину, и В. Л. Комаровича) Д. С. Лихачев встречал в 20-е гг. на заседаниях «Хельфернака» («Художественно-литературной, философской и научной академии»).¹⁴ То есть, я хочу сказать, что для сознания людей, приобщенных к христианскому мировоззрению, выморочные десятилетия оказались лишь

¹⁰ О религиозно-философских кружках, в собраниях которых участвовал студент Лихачев, см.: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 121—145.

¹¹ Публикацию этого доклада, прочитанного на заседании студенческого общества, в шутку называвшегося «Космической Академией наук», см.: *Лихачев Д.* Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С. 6—14.

¹² См.: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 140.

¹³ *Бахтин М. М.* 1) Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; 2) Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

¹⁴ См.: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 130.

внешним провалом, и, пережив их, те, кому дано было выжить, продолжили свои научные и философские искания и приобщили к ним других.

В следующую Оттепель, начала 1990-х гг., Д. С. Лихачев выпустит последнюю свою большую книгу — «Воспоминания». А бесспорно, что надо было ждать второй Оттепели, чтобы ее напечатать. Ни в какие 70-е то, что написал Д. С. о Соловках и Блокаде, да и о так называемых «проработках» в научных институтах и университетах, ни за что не дали бы издать. Но в 70-е он уже был автором «Текстологии» и «Поэтики», главой сложившейся научной школы, его научный и нравственный авторитет делался всё более известным в широких общественных кругах, не только научных. Хотя тяжелых ситуаций и в те времена хватало, но всё-таки это не был ГУЛАГ.

«Текстология» вышла в свет на пять лет раньше «Поэтики», в 1962 г. Но работать над вопросами, поднятыми в этой книге, Лихачев начал намного раньше. В 1955 г. в Известиях АН СССР, Отделение литературы и языка, появилась его статья «Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников».¹⁵ Затем в 1958 г. в журнале «Slavia» вышла статья «Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения».¹⁶ В Предисловии к 1-му изданию «Текстологии» Дмитрий Сергеевич написал: «Главным образом в книге используется опыт текстологической работы сотрудников Сектора древнерусской литературы» (с. 7). В сущности, эта книга Лихачева была итогом работы научной школы, которую он начал создавать с конца 40-х — начала 50-х годов при поддержке Варвары Павловны Адриановой-Перетц, возглавившей Отдел после смерти академика Орлова в 1947 г. Как раз в это время Д. С. начал преподавать на историческом факультете ЛГУ, вокруг него собирается кружок его прямых учеников (Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина, М. П. Сотникова и другие). Некоторых из них ему удается привести в аспирантуру Пушкинского Дома, он руководит написанием их кандидатских диссертаций. Довольно скоро, в 1954 г., В. П. Адрианова-Перетц отдаёт бразды правления Дмитрию Сергеевичу (оставаясь до конца дней самым авторитетным сотрудником Отдела, верховным арбитром и советчицей Лихачева), и таким образом он делается научным руководителем всего коллектива.

«Текстология» Д. С. Лихачева наполнена ссылками на работы Л. А. Дмитриева, Я. С. Лурье, Н. А. Казаковой, М. А. Салминой и, конечно же, любимой ученицы Дмитрия Сергеевича со студенческой скамьи Р. П. Дмитриевой. Работы Р. П. Дмитриевой, посвященные отдельным литературным памятникам и выполненные под научным руководством и редакцией Лихачева, становились своего рода научной лабораторией, в которой вырабатывались основные методы школы, ее инструментарий и ее терминология. Научная школа выросла из буквальная школы. И это просвечивает за текстом книги, в тех случаях, когда Д. С., как учеников на университетском семинаре, учит своих читателей приемам текстологической работы и объясняет им основные понятия науки: что такое рукопись, что такое список, а что — автограф,

¹⁵ Лихачев Д. С. Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников // ИЮЛЯ. 1955. Т. 14, вып. 5. С. 403—419.

¹⁶ Лихачев Д. С. Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения // Slavia. 1958. Roč. 27, seš. 4. S. 585—599.

как надо строить стемму (что помещать в ней выше, что ниже, что обводить сплошной линией, а что пунктирной); вплоть до того — как работать с подготовительными материалами («Особенно хороши ротокопии, в которых характерные признаки редакции и вида или индивидуальные особенности списка можно подчеркивать светлым цветным карандашом (например, желтым, голубым или розовым; напомним, что в ротокопии фон темный) и даже писать на полях краткие замечания») (с. 223).

Уникальность этой книги заключается в том, что она сочетает в себе подход ученого-теоретика, обосновывающего принципы текстологии как равноправной науки со своими законами (а не вспомогательной исторической дисциплины), с задачами практического пособия для людей, делающих первые шаги в овладении этой наукой. Потому она и стала, без преувеличения, настоящей настольной книгой всякого текстолога-медиевиста.

Главная черта Лихачевской текстологической школы, как мы хорошо знаем, это приоритет истории текста, требующий изучения литературного памятника на всех этапах его существования «в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника». «Издание памятников — это только одно из практических применений текстологии», — декларирует Д. С. Лихачев. Поэтому: сначала исследование, потом — издание (с. 27).

При этом красной нитью через всю книгу проводится мысль о том, что текстология — это наука о создателях текстов: «Увидеть за рукописью ее создателя и создателей, как некие индивидуальности, — значит понять ее текст. Текстология есть наука о создателях текстов, о людях прежде всего. Это положение имеет принципиальное значение для всей концепции данной книги» (с. 97). В «умении видеть людей», по Лихачеву, состоит «основное качество, необходимое текстологу» (с. 301—302).

Вот тут и смыкается Лихачев «Поэтики» и «Текстологии» с Лихачевым «Воспоминаний»: и в научных трудах, и в осмыслении собственной жизни для него всегда на первом месте стоял человек, — вечная память о человеке перед Богом.

Список литературы

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 363 с.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. 527 с.

Комарович В. Л. К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 57—72.

Лихачев Д. С. Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников // ИЮЛЯ. 1955. Т. 14, вып. 5. С. 403—419.

Лихачев Д. С. Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения // Slavia. 1958. Roč. 27, seš. 4. S. 585—599.

Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. 605 с.

Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд. Л., 1983. 639 с.

Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. 3-е изд., перераб. и доп. (при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва). СПб., 2001. 758 с.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. 372 с.

- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971. 414 с.
Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. 357 с.
Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. 517 с.
Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.) // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 3—52.

References

- Bahtin M. M.* Problemy poetiki Dostoevskogo. M., 1963. 363 s.
Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. M., 1965. 527 s.
Komarovich V. L. K literaturnoj istorii Povesti o Nikole Zarajskom // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1947. T. 5. S. 57—72.
Lihachev D. S. Nekotorye novye principy v metodike tekstologicheskikh issledovanij drevnerusskikh literaturnyh pamjatnikov // Izvestija Otdelenija literatury i jazyka Akademii nauk. 1955. T. 14, vyp. 5. S. 403—419.
Lihachev D. S. Drevnerusskoe rukopisnoe nasledie i nekotorye metodicheskie principy ego izuchenija // Slavia. 1958. Roč. 27, seš. 4. S. 585—599.
Lihachev D. S. Tekstologija: Na materiale russkoj literatury 10—17 vv. M.; L., 1962. 605 s.
Lihachev D. S. Tekstologija: Na materiale russkoj literatury 10—17 vv. 2-e izd. L., 1983. 639 s.
Lihachev D. S. Tekstologija: Na materiale russkoj literatury 10—17 vv. 3-e izd. (pri uchastii A. A. Alekseeva i A. G. Bobrova). SPb., 2001. 758 s.
Lihachev D. S. Poetika drevnerusskoj literatury. L., 1967. 372 s.
Lihachev D. S. Poetika drevnerusskoj literatury. 2-e izd. L., 1971. 414 s.
Lihachev D. S. Poetika drevnerusskoj literatury. 3-e izd. M., 1979. 357 s.
Lihachev D. S. Vospominanija. SPb., 1995. 517 s.
Rozhdestvenskaja M. V. K istorii Otdela (Sektora) drevnerusskoj literatury IRLI AN SSSR (1932—1947 gg.) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. L., 1989. T. 42. S. 3—52.